

Р. Г. СКРЫННИКОВ

БОРИС ГОДУНОВ И ЦАРЕВИЧ ДМИТРИЙ

В предложенной теме заключена одна из наиболее запутанных и туманных загадок XVI в., которая, вероятно, так никогда и не будет разрешена окончательно, но которая неизменно привлекает мысль исследователя. Говоря об угличских событиях, историк не может сослаться на обычную для изучаемого периода скудость и неполноту источников. Сохранился подробный следственный материал, представляющий собою не позднюю копию, а оригинал. Случай беспрецедентный для истории розыскных и судебных дел XVI в.

Исследователи «угличского обыска» различным образом оценивали достоверность и полноту этого источника. Лучшей проверкой любого политического акта (а таким актом и была гибель восьмилетнего царевича) вполне основательно считается вопрос «кому выгодно?». И этот вопрос, связанный с непоколебимой уверенностью в том, что смерть Дмитрия расчистила Годунову путь к власти, ставил под сомнение любые, даже самые правдоподобные подробности следствия. Наиболее известные историки (М. М. Щербатов, Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский) отвергали истинность выводов следствия о печальной гибели последнего отпрыска московской династии. Другие историки (П. Арцыбашев, М. И. Погодин, Е. Белов, В. К. Клейш) держались противоположной точки зрения, но их голоса звучали куда менее авторитетно. В известной мере к ним тяготел С. Ф. Платонов, специально не исследовавший угличские материалы, но показавший полную несостоятельность летописной традиции начала XVII в. относительно убийства Дмитрия.

В советской историографии специальный источниковедческий анализ «угличского обыска» произвел И. И. Полосин. Со всей решительностью поставив вопрос «кому выгодно?», он пришел к парадоксальному выводу: в накаленной международной и внутриполитической атмосфере начала 90-х годов смерть Дмитрия была крайне нежелательна для Годунова. К сожалению, саму

обстановку указанного периода И. И. Полосин характеризует лишь в самых общих чертах: в международном плане он упоминает о войне с татарами и шведами, во внутривполитическом — указывает на авантюру Чапих, их попытку «превратить Углич в своеобразный оазис удельно-феодальной независимости». «Нарушая закономерности истории», Чапихе объективно пытались воскресить в Угличе политические порядки конца XV в.¹ Сами по себе они не были сколько-нибудь серьезной политической силой, но за их спиной могли стоять Шуйские, Романовы, может быть, кто-нибудь еще. В условиях «назревавшей крестьянской войны» бывший опричник Годунов столкнулся со столь сложными политическими задачами, что ему было «не до Углича».²

К сожалению, данная И. И. Полосиным оценка политической обстановки начала 90-х годов очень мало согласуется с подлинными фактами. Поскольку этот вопрос имеет кардинальное значение для исследования поставленной темы, остановимся на нем более подробно.

После смерти Грозного началась ожесточенная борьба за власть между верхушкой двора, составлявшей ближнюю думу царя Ивана, и земской Боярской думой, стремившейся восстановить свое влияние в полном объеме. Наиболее видными фигурами «двора» были А. Ф. Нагой, один из главных инициаторов второго издания опричнины в 1575—1576 гг., Б. Я. Бельский, бывший правой рукой Грозного в последние годы его жизни, и Б. Ф. Годунов.

А. Ф. Нагой был арестован и выслан из столицы едва ли не на другой день после кончины Грозного.³ Вслед за ним наступил черед Б. Я. Бельского. Казначей П. И. Головин бросил дерзкий вызов могущественному временщику, затеяв с ним местнический спор, и на его сторону сразу же встала вся земская Боярская дума: «боярин князь Иван Федорович Мстиславский с сыном со князем Федором да Шуйские, да Голицыны, Романовы, да Шереметевы и Головины и иные советники». За Бельского вступились лишь дворовые чины «Годуновы, Трубецкие, Щелкановы».⁴ Приведенные Пискаревским летописцем данные не оставляют сомнения в том, что раздор был вызван столкновением между земскими боярами и «двором».

Преирепательство между Б. Я. Бельским и П. И. Головиным едва не привело к кровопролитию. По словам английского посла, на Бельского напали с таким остервенением, что он принужден

¹ И. И. Полосин. Угличское следственное дело 1591 г. Социально-политическая история России XVI—начала XVII в. М., 1963, стр. 223.

² Там же, стр. 225.

³ Пискаревский летописец. Материалы по истории СССР (XV—XVII вв.). вып. II, М., 1955, стр. 87.

⁴ Там же.

был спасаться в царских палатах.⁵ Этот факт подтверждает и русская летопись, согласно которой в думе произошла «прека» и «Вогдана хотели убить до смерти дворяне, токо бы не утек к царе назад».⁶

Испиритованное боярами выступление против одного из главных душеприказчиков Грозного побудило последнего прибегнуть к пассивности, чтобы подавить зреющую в земщине «крамолу». С помощью стрельцов (вероятно, дворовых) Бельский захватил Кремль и пытался убедить царя Федора следовать старой политике «двора» или «опричиппы».⁷ События в Кремле дали выход давно зреющему в народе недовольству. В результате народного восстания в столице Б. Я. Бельский был отстранен от власти и сослан на воеводство в Нижний Новгород.⁸

Восстание 2 апреля 1584 г. знаменовало собой решительное поражение партии Бельских и Годуновых, из рук которых окончательно ускользнула реальная власть. Положение последнего из «дворовых» думцев Б. Ф. Годунова стало шатким. В дни волнений народ требовал изгнания Годуновых заодно с Бельским.⁹

В литературе утвердилось неверное представление о роли Б. Ф. Годунова в политических событиях, последовавших за смертью Грозного. Считается, например, что царь Иван назначил Годунова одним из своих душеприказчиков. Критический разбор источников обнаруживает ошибочность этого мнения.

Лейб-медик Грозного Дживанни сообщил в Польшу через несколько месяцев после кончины царя, что тот назначил *четыре* правителей (Н. Р. Юрьева, И. Ф. Мстиславского и др).¹⁰ Некоторые русские источники также упоминают о *четыре*х душеприказчиках Грозного.¹¹ Самым осведомленным современником событий был Д. Горсей, деятельно участвовавший в придворных интригах. Последнее обстоятельство нередко побуждало его фальсифицировать известные ему факты. Так, Горсей упоминает первоначально о назначении *четыре*х душеприказчиков (Мстиславского, Шуйского, Юрьева, Бельского). Позднее в «Записках» Горсей называет пятого душеприказчика — Б. Ф. Годунова.¹² Самый авторитетный русский источник — «Иное сказание», — составленный при царе Василии Шуйском, упоминает в качестве правителей

⁵ Отчет о посольстве Е. Боуса. ЧОИДР, 1884, кн. 4, стр. 103.

⁶ Пискаревский летописец, стр. 87.

⁷ Письмо Л. Саеги от 26 мая 1584 г. *Scriptores Rerum Polonicarum*. VIII, 1885, p. 174.

⁸ Разрядная книга 1375—1605 гг. РО ГПБ, собр. Эрмитажское, д. 390 (далее — Разряды), л. 664.

⁹ Пискаревский летописец, стр. 87; Новый летописец. ПСРЛ, т. XIV, стр. 85; Латухинская степенная книга. РО ГПБ, F IV, 597, л. 409—409 об.

¹⁰ Из донесения Болоньетти (24 августа 1584). *Historia Russia Monumenta*, t. II, N VIII, p. 7.

¹¹ Латухинская книга, л. 402.

¹² Д. Горсей. Записки о Московии XVI в. СПб., 1909, стр. 57, 109.

ки. И. П. Шуйского, ки. И. Ф. Мстиславского и Н. Р. Юрьева.¹³ Принадлежность их к регентскому совету в самом деле не вызывает сомнения. Следовательно, из списка регентов надо исключить либо Б. Я. Бельского, либо Б. Ф. Годунова.

Прямой ответ на поставленный вопрос дает письмо австрийского посла Н. Варкоча, побывавшего в Москве в конце 80-х годов и имевшего специальную инструкцию достоверно узнать, каковы содержание и судьба завещания Грозного.¹⁴ В Москве Н. Варкочу удалось установить, что царь Иван не упомянул в своем завещании Б. Ф. Годунова, не поручив ему никакой должности, вследствие чего этот последний, придя к власти, уничтожил подлинник завещания.¹⁵ Эти сведения подтвердил другой австрийский агент Л. Паули, сообщивший о смерти от яда переписчика завещания Грозного ближнего дьяка С. Фролова.¹⁶

Царь Иван не ввел своего любимца в состав регентского совета по причинам следующего порядка. Долголетний брак царевича Федора с Ириной Годуновой оказался бесплодным, и пресечение династии казалось неизбежным. Удрученный такой перспективой, царь настойчиво требовал от Федора развода с «бесплодной» Ириной Годуновой.¹⁷ После гибели царевича Ивана государь не решился действовать с младшим сыном столь же круто, как со старшим, и дело ограничилось одними уговорами. Возможно, что и в своем завещании царь выразил свою волю по поводу брака Федора. Во всяком случае он не включил Бориса в регентский совет, имея в виду именно возможный развод Федора с сестрой Бориса.

Со смертью Грозного его воля, однако, уже не могла решающим образом повлиять на ход событий.

Боярин Н. Р. Юрьев тяжело заболел летом 1584 г. и фактически выбыл из состава регентского совета. Через два года он умер. В 1585 г. Годунов устранил со своего пути регента ки. И. Ф. Мстиславского. Он был насильственно пострижен в монахи и заточен в отдаленный Кирилло-Белозерский монастырь. Осенью 1586 г. его участь разделил последний из регентов — ки. И. П. Шуйский.

И. П. Шуйский был признанным вождем всей антигодуновской оппозиции. Героическая оборона Пскова, предотвратившая

¹³ РИБ, т. XIII, СПб., 1891, стлб. 2.

¹⁴ О причинах поручения Н. Варкочу см.: Н. Uebersberger. Österreich und Russland seit dem Ende der 15. Jahrhundert. Wien—Leipzig, 1906, S. 496—499.

¹⁵ Г. Ф. Штендман. Отзыв об историческом исследовании проф. А. Трачевского. Отчет о XXI присуждении награды гр. Уварова, СПб., 1880, стр. 101—102.

¹⁶ Там же, стр. 102.

¹⁷ См.: И. Масса. Краткое известие о Московии начала XVII в. М., 1937, стр. 34; П. Петрей. История о великом княжестве Московском. М., 1867, стр. 158.

окончательное военное поражение, создала ему громадную популярность среди дворянства и в народе. По знатности рода Шуйский далеко превосходил не только хворородных Годуновых, но и всех прочих бояр. Иностранцы с позлым основанием называли его первым принцем крови.

Шуйские ловко использовали недовольство народа и деятельно агитировали за свержение Годуновых. Их агитация сыграла далеко не последнюю роль в новых антиправительственных выступлениях, всыхнувших в Москве в середине мая 1586 г.

Шуйским удалось сплотить вокруг себя весьма внушительные силы. На их стороне выступил митрополит Дионисий и некоторые высшие церковные иерархи, земские бояре и дворяне, наконец, влиятельная купеческая верхушка и «мужики». Поздняя летопись гласит, что митрополит, бояре, гости московские и все люди купецкие «между себе сотвориша совет и рукописанием оутвердишася бити челом» царю Федору, «чтобы он, государь, чадородия ради второй брак принял, а первую свою царицу... отпустил в иноческий чин».¹⁸

Проверить достоверность приведенного сообщения трудно. Косвенным подтверждением летописной версии служат официальные разъяснения за рубежом, сделанные зимой 1586/87 г. по поводу казни в Москве «земских посадских людей» («мужиков»), которые «поворовали были, не в *своиское дело вступились*, к бездельником пристали».¹⁹ Поддержка московскими гостями челобития о разводе царя и была, видимо, квалифицирована властями как вмешательство «не в свойское дело».

В попытке добиться развода царя Федора последний из душеприказчиков царя кн. И. П. Шуйский, митрополит Дионисий, бояре, дворяне и купцы не выходили, по-видимому, из рамок легальности. Но последние заветы Грозного относительно Федора и будущего династии так и не были исполнены.

Годуновы добились изложения митрополита Дионисия (13 октября 1586 г.)²⁰ Бояр Шуйских удалили из Москвы в ссылку, шестью московским купцам отрубили голову.

Расправа не положила конец интригам противников Годунова. Развязка наступила в конце 80-х годов, когда над головой Шуйских разразилась «большая опала». Князь И. П. Шуйский был схвачен в своей вотчине, увезен на Белоозеро и насильственно

¹⁸ См.: А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции. М., 1869, стр. 187. Ср.: Лапухинская книга, л. 414 об.—415.

¹⁹ ЦГАДА, ф. 79, дела Польского двора, № 17, л. 142—142 об.

²⁰ ПСРЛ, т. XIV, стр. 37; Повгородские летописи. Изд. Археографической комиссии. СПб., 1879, стр. 449.

пострижен в монахи в Кириллове монастыре. Здесь старец Иев Шуйский имел возможность увидеться с кн. И. Ф. Мстиславским. Затерянный в лесах монастырь стал местом одновременного заточения двух последних душеприказчиков Грозного.

Старец Иев недолго пробыл в монастырской тюрьме. Даже в отдаленном северном монастыре в монашеском одеянии опальный боярин внушил правителю тревогу и опасения. В конце концов Борис приказал тайно умертвить героя псковской обороны.²¹ Несмотря на все старания сохранить втайне смерть «великого боярина», слух о его гибели распространился повсюду. Многие летописцы отметили его смерть под 7097 г.²² Гибель Шуйского зарегистрирована также вкладными книгами Кирилло-Белозерского монастыря, в которых сказано, что 28 ноября 7097 (1588) г. кн. И. С. Туренин сделал вклад на помин души князя И. П. Шуйского, «а корм на преставление его ноября в 16 день».²³ Приведенная документальная запись не оставляет сомнения в том, что старец Иев умер насильственной смертью. В самом деле, пристав не мог жертвовать деньги на помин души узника без прямой царского приказа, по для того, чтобы связаться с Москвой, ему пужно было самое малое месяц. Между тем он сделал вклад через 12 дней после кончины (точнее, убийства) Шуйского.

Старца Иева уморили дымом. Палачом его был сам пристав кн. И. С. Туренин, родственник Бориса Годунова.²⁴

Через полгода после смерти кн. И. П. Шуйского правитель тайно расправился с кн. А. И. Шуйским. Наиболее достоверные сведения о его судьбе сообщает «Сказание о Гринке Отрепьеве», составленное при царе Василии Шуйском. Согласно этому источнику, князь Андрей был убит в темнице в Буй-городе приставом С. Маматовым 8 июня 1589 (7097) г.²⁵

²¹ Всех выдающихся военачальников XVI в. постигла одинаковая участь: покорителю Казани кн. А. Б. Горбатову-Шуйскому отрубили голову, кн. И. П. Шуйский был задан, А. Д. Басманова зарезали.

²² Нискаревский летописец, стр. 90; Морозовский летописец. РО ГПБ, ф. IV, № 238, л. 78. Точную дату смерти Шуйского сообщают Д. Флетчер, находившийся в Москве в 1588—1589 гг., и авторы «Сказания о Гринке Отрепьеве» (Д. Флетчер. О государстве Русском, стр. 42; РИБ, т. XIII, стлб. 716).

²³ РО ГПБ, Кир. Бел., № 78/1317, л. 69—69 об.

²⁴ См.: Д. Горсей. Записки, стр. 71—72; Псковские летописи, вып. II, стр. 264; РИБ, т. XIII, стлб. 716; ПСРЛ, т. XIV, стр. 37.

²⁵ РИБ, т. XIII, стлб. 716. По некоторым спискам, А. И. Шуйский погиб 8 мая 7097 г. (там же). Английский посол Д. Флетчер, писавший о заточении кн. А. И. Шуйского, покинул Москву 6 мая 7097 г., т. е. незадолго до казни боярина (Д. Флетчер. О государстве Русском, стр. 92). Поздние летописцы XVII в. в один голос говорят о насильственной смерти А. И. Шуйского, но никто из них не знал толком о месте его гибели: одни называли Каргополь, другие — Самару. (См.: ПСРЛ, т. XIV, стр. 37; Нискаревский летописец, стр. 88).

Расправа с Шуйскими углубила конфликт между правителем и боярами. Положение Годунова оказалось столь непрочным, что он вынужден был (по примеру царя Ивана) вести тайные переговоры с английским двором о предоставлении его семье убежища в Англии.

Последнее крупное выступление антигодуновской оппозиции имело место весной 1591 г., причем инициаторами его были Нагиге. После смерти Грозного власти, спеша утвердить на троне слабоумного и явно не способного к управлению Федора, отослали из Москвы в Углич вдову Грозного царицу Марию Нагую и ее малолетнего сына царевича Дмитрия. Вместе с ними в Углич отправились ее отец Ф. Ф. Нагой²⁶ и дядя. Никто из этих лиц, включая молодую царицу, сами по себе не играли выдающей роли в политической борьбе тех лет. Самый авторитетный из Нагих в Углич не понал. Им был сподвижник Бориса из дворовой службе Афанасий Федорович Нагой, один из подлинных руководителей ближней думы в последнее десятилетие правления Грозного. Он был сослан в Ярославль и, согласно общепринятому в литературе мнению, там вскоре же умер. В действительности А. Ф. Нагой оставался одним из самых деятельных участников политической борьбы по крайней мере до начала 90-х годов. В дворовом списке царя Федора конца 80-х годов против имени дворянина Ф. А. Жеребцова сделана многозначительная помета: «у Офонася у Нагова».²⁷ Помета относилась ко времени не ранее 1587—1588 г. Д. Горсей видел опального А. Нагова в Ярославле в мае 1591 г. (см. далее).

Отношения Годуновых с Нагими настолько обострились, что не позднее 1588 г. правитель приказал заточить в монастырь сына Афанасия Петра Нагова.²⁸ В марте 1589 г. власти распорядились усилить надзор за опальным П. А. Нагим и приставили к нему приставов.²⁹ В борьбе с Годуновым Нагиге делали ставку на два момента. Во-первых, приход к власти Бориса ознаменовался возобновлением раздора между правительством и могущественной боярской аристократией, следствием чего были антибоярские репрессии, напомнившие современникам опричнину. Другим обстоятельством было обострение социальных противоречий в стране и непрерывные волнения в столице.

²⁶ См.: Д. Горсей Записки, стр. 78—79, 84. Исполнителем тайной миссии в Англии был Д. Горсей, пользовавшийся доверием Годунова.

²⁷ ЦГАДА, ф. 240, Московский стол, ст. 751, столб. 3, л. 50. Приносим искреннюю благодарность С. П. Мордовиной за указание названного источника.

²⁸ А. Ф. Нагой пожертвовал деньги в Троицу на сына Петра в декабре 1589 г. (См.: Вкладные книги Троицко-Сергиева монастыря. Архив АП СССР, ф. акад. С. Б. Веселовского, д. 620, оп. 1, № 19, л. 234).

²⁹ ДАИ, т. I, № 226, стр. 428.

В конце Ливонской войны шпионы Батория доносили, что в Москве со дня на день может вспыхнуть антиправительственный мятеж. Эти прогнозы подтвердились. После кончины Грозного в марте 1584 г. в Москве «произошли шумные несогласия между дворянством и чернью».³⁰ Выступление было быстро пресечено благодаря энергичным военным мерам.

Новые, на этот раз более грандиозные волнения произошли в апреле того же года, когда «народ всколебался весь без числа со всяким оружием».³¹ Восставшие захватили царь-пушку, стоявшую на Красной площади, и пытались выпить Фроловские ворота. У стен Кремля произошло настоящее побоище, в котором погибло до 20 человек и до сотни было ранено.³²

В летние месяцы 1584 г. в Москве вновь ждали мятежа, отражением чего явилась следующая запись Разрядного приказа: «Того ж году на Москве летом были в обозе да и в головах для пожару и для всякого воровства: в Кремле — князь Иван Самсонович Туренин да Григорий Никитич Бороздин; в Китае — Богдан Иванович Полев. . . ; в земляном городе — Иван Федорович Крюк-Кольчев».³³

Волнения в столице вспыхнули с новой силой в мае 1586 г. Они носили столь грозный характер, что власти вынуждены были дать специальные разъяснения по этому поводу за рубежом. Посланный в Польшу в конце 1586 г. царский гонец имел такой приказ: «А буде взмолвят, за что же в Кремле городе в осаде сидели и сторожи крепкие учинили? . . . того не бывало, то пехто сказывал негораздо, бездельник. От ково от мужиков в осаде сидеть? А сторожи в городе и по воротам, то не ново, издавна так ведетца для всякого береженья».³⁴

«Речи» дипломатов почти не оставляют сомнения в том, что выступление народных масс вынудило правительство ввести в Москве осадное положение. Этот факт находит подтверждение в расходных книгах Чудова монастыря, в которых записано, что «мая в 14 день куплено для осадного времени пуд и три фунта свинцу, на пушки дано 25 алтын и 4 денги».³⁵

Нет почти никаких данных о социальных силах движения. Но есть основания полагать, что в столичных волнениях впервые приняли широкое участие кабальные люди. Едва ли случаен тот факт, что на другой день после волнений в столице власти

³⁰ Д. Горсей. Записки, стр. 57.

³¹ Пискаревский летописец, стр. 87.

³² Письмо Боловьети от 16 мая 1584 г. *Historia Russia Monumenta*, t. II, p. 1.

³³ ГИМ, Щукинское собр., № 496, л. 790.

³⁴ ЦГАДА, ф. 79, дела Польского двора, № 17, л. 143.

³⁵ ЦГАДА, собр. Мазурина, № 273, л. 191 об. В литературе этот факт впервые отмечен С. В. Бахрушиным (Классовая борьба в русских городах XVI—начала XVII в. Научные труды, т. I. М., 1952, стр. 214).

в спешном порядке издали Уложение о кабалных холопах, которое введено было в действие уже 1 июня 1586 г.³⁶

В конце 80-х годов происходит новое обострение социальных противоречий в русских городах. Последствия неурожая 1586—1587 гг., охватившего всю страну, наиболее болезненно ощутило на себе посадское население, особенно его низшие слои. В конце 80-х годов власти со дня на день ждали новых народных выступлений в столице. Именно опасность народного восстания побудила правительство уже весной 1589 г. разместить на улицах столицы усиленные военные наряды и провести в жизнь полицейские меры, живо напомиравшие оирчные времена. Согласно записям Разрядного приказа, 18 апреля 1589 г. «велел государь быть на Москве в объезде в головах по росписи огпя (из-за огня — Р. С.) и корчмы выпмать: в Кремле — князю Василью Туренину, в Китае — князю Дмитрию Принимкову», в Большом каменном городе и по слободам — другим головам.³⁷

Еще более напряженное положение сложилось в столице весной 1591 г. Судя по Башмаковской разрядной книге, власти уже 2 мая издали распоряжение о военных мерах на случай народных волнений. Вновь по всему городу расставлена была усиленная охрана. Разряд послал головами «в объезде» в Кремль — кн. В. П. Туренина, в Китай-город — А. Ф. Третьякова-Головина, в большую половину Царева города от Яузы до Неглиной — кн. Г. В. Звенигородского, в мелпую половину Царева города — кн. И. И. Морткина.³⁸ Спустя пять дней Разрядный приказ издал новое распоряжение, наиболее точно переданное Эрмитажной Разрядной книгой: «Майя в 7 день велел государь быть на Москве в объезде дворяном в головах, беречь от огня и отто всякого воровства в большом городе в Кремле — князю Василию Петровичу Туренину», в Китае — кн. И. Д. Шестунову, в Цареве городе — А. Ф. Третьякову-Головину.³⁹ Башмаковская разрядная книга приводит аналогичный текст с некоторыми дополнениями. Кн. И. Д. Шестунов пытался местничать с В. П. Турениным, был отстранен от службы и заменен А. Годуновым.⁴⁰ Положение в столице было тревожным, и правитель старался повсюду посадить своих родственников.

Распоряжения, отданные Разрядным приказом в начале мая, недвусмысленно говорили об опасности всякого «воровства» в столице. Меры по предупреждению пожаров имели в виду по существу ту же самую опасность. Достаточно было малейшего толчка,

³⁶ Памятники русского права, вып. IV. Под. ред. Л. В. Черепнина. М., 1956, стр. 372—373.

³⁷ Разряды, л. 733.

³⁸ Архив ЛОИИ, Колл. рукописных книг, № 93, л. 734—734 об.

³⁹ Разряды, л. 761.

⁴⁰ Архив ЛОИИ, Колл. рукописных книг, № 93, л. 734 об.—735.

чтобы народ возмутился и поднялся на восстание, которое грозило правительству Годуновых катастрофическими последствиями.

Тревога по поводу народного возмущения усугублялась тем, что в столице со дня на день ждали нападения хана Казы Гирея со всей крымской ордой. В апреле 1591 г. дворянское ополчение выступило на Оку, одновременно шли военные приготовления в самой столице.⁴¹

Итак, в мае 1591 г. правительство Годунова оказалось в критическом положении. Помимо внутренних затруднений, оно столкнулось лицом к лицу с крайне опасной международной ситуацией. При том положении в Москве, когда любой повод мог послужить толчком к новому взрыву народного возмущения и татары могли нагрянуть со дня на день, смерть Дмитрия, с точки зрения Годуновых, была событием нежелательным, более того, чрезвычайно опасным. Она была выгодна не столько Борису, сколько его врагам, которые действительно предприняли попытку свергнуть правителя. На этот раз инициатива исходила от Нагих.

В полдень 15 мая 1591 г. удары набата возвестили жителям Углича о смерти младшего сына Грозного. Угличане разгромили дьячую избу, убили государева дьяка М. Битяговского и некоторых других лиц. Самой активной силой движения была городская беднота, казаки (бурлаки) с судов, стоявших у городских пристаней. В страхе перед «чернью» покинули город зажиточные горожане, разбежались подьячие, спрятались царицны дети боярские. Городское движение носило ярко выраженный социальный характер, но направляли его в нужную для них сторону Нагие. По их указке народ учинил расправу с Битяговским. Нагие взяли под наблюдение дороги, ведущие к Угличу, и выслали заставы по Сулоцкой и Переяславской дорогам.⁴²

Действия Нагих носили авантюрный характер, но продиктованы были не чувством отчаяния, как думали некоторые исследователи, а вполне определенными политическими расчетами. Зная о напряженном положении в столице, Нагие рассчитывали поднять против Годуновых столичное посадское население.

Центром антигодуновских интриг стал Ярославль, где находился в ссылке А. Ф. Нагой. Известие о гибели Дмитрия он получил, по-видимому, глубокой ночью 16 мая. Последующие события в Ярославле подробно описаны очевидцем событий Д. Горсеем, волею случая оказавшимся в самой гуще углических событий. Ночью, рассказывает Горсей, удары набата подняли на

⁴¹ Разряды, л. 759, 760 об.

⁴² Угличское следственное дело о смерти царевича Дмитрия 15 мая 1591 г. М., 1913, л. 36 и др.

ноги население Ярославля. Горожанам сообщили, что младший сын Грозного был предательски зарезан подосланными убийцами.⁴³ Описанные меры имели очевидной целью спровоцировать ярославцев на выступление и тем самым поддержать восставший Углич. Но попытки поднять мятеж в Ярославле не удалась.

Правительство было наугапо событиями в Угличе.⁴⁴ Хотя Москва жила ожиданием татарского набега, власти отрядили в Углич крупные силы — пятьсот стрельцов.⁴⁵

Несмотря на неудачу в Ярославле и Угличе, Нагие предприняли последнюю отчаянную попытку поднять против Годуновых столицу. 24 мая в Москве произошел крупный пожар, сгорел почти весь Белый город до Неглинной.⁴⁶ Как записи Разрядного приказа, так и современники (А. Палицын) единодушно утверждают, что Москва была подожжена, горела «напрасно».⁴⁷ Повсюду распространялись слухи, будто Москву «зажигали Годуновых люди». Эту агитацию подхватили все противники правительства, увидевшие в ней вернейшее средство подвять посад. Впоследствии власти вынуждены были в официальных разъяснениях за рубежом опровергать эти слухи.⁴⁸ Но покоячить с ними так и не удалось: их записали много позже И. Масса, К. Буссов и другие современники.⁴⁹

Судя по правительственным заявлениям, во время пожара стража схватила «зажигальников», некоего банщика с товарищами. Допрошенные боярским судом, они показали, что «присылал к ним Офонасей Нагой людей своих Иванка Михайлова с товарищи, а велел им закупать многих зажигальников, а зажигати им велел московской посад во многих местех... и по иным ио многим городом Офонасей Нагой разослал людей своих, а велел им зажигальников закупать, города и посады зажигать».⁵⁰ По свидетельству А. Палицына, одновременно с Москвой поджоги имели место и в других городах.⁵¹

Предметом антигодуновской агитации стали не только пожары в столице и провинции, но и загадочная смерть восьмилетнего

⁴³ Д. Горсей. Записки, стр. 99; подробнее см. стр. 197.

⁴⁴ При дворе «опасались смуты и сильного волнения в Москве». (См.: И. Масса. Краткое известие о Московии, стр. 40—41; ср.: Я. Маржарет. Состояние российской державы. В кн.: П. Устрялов. Сказания современников о Дмитрие Самозванце, ч. I. Изд. 3. СПб., 1859, стр. 256).

⁴⁵ Д. Горсей. Записки, стр. 99.

⁴⁶ См.: И. А. Голубцов. «Измена» Нагих. Уч. зап. Института истории РАН ИОН, т. IV, М., 1929, стр. 70.

⁴⁷ Разряды, л. 761 об.; Сказание Авраамия Палицына. Под ред. Л. В. Черщины. М.—Л., 1955, стр. 102.

⁴⁸ ЦГАДА, ф. 79, дела Польского двора, № 21, л. 206—206 об.

⁴⁹ И. Масса. Краткое известие о Московии, стр. 44; К. Буссов. Московская хроника. М.—Л., 1961, стр. 80; Я. Маржарет. Состояние российской державы, стр. 21.

⁵⁰ И. А. Голубцов. «Измена» Нагих, стр. 70.

⁵¹ Сказание Авраамия Палицына, стр. 103.

царевича. Для расследования событий в Угличе власти направили туда боярскую комиссию, в состав которой вошли боярин кн. В. И. Шуйский, митрополит Гелвасий и некоторые другие лица. 19 мая комиссия прибыла в Углич, на другой день приступила к следствию, а 2 июня представила доклад Боярской думе и священному собору. На основании материалов «угличского обыска», зачитанных в присутствии бояр и духовенства, собор устами патриарха утвердил выводы комиссии относительно причинной смерти царевича и осудил «измену» Нагих, дело которых было передано на усмотрение правительства.⁵²

Что же представляет собой сохранившееся до наших дней угличское следственное дело, каковы его значение и достоверность, насколько объективны выводы следственной комиссии?

Исследование политической обстановки, сложившейся в России в мае 1591 г., освобождает нас от той предвзятой оценки, которая сводила на нет значение «угличского обыска» и которая естественно была связана с вопросом «кому выгодно?». В критической ситуации середины мая 1591 г. смерть царевича Дмитрия была для Годуновых крайне неприятным и опасным сюрпризом. Указанное обстоятельство имеет исключительно важное значение, но оно, конечно, не разрешает всех сомнений по поводу угличской загадки.

Многие исследователи оспаривали выводы угличской комиссии, ссылаясь на то, что состав ее был специально подобран, подтасован. Почти единогласно утверждают, будто главной креатурой Годунова в комиссии был околыничий А. П. Клешнин, «правая рука» правителя и человек, обеспечивавший наблюдение за делом глазами Бориса.⁵³ Подобная оценка не учитывает одного важного нюанса. Клешнин не только долгое время служил с Нагими на дворовой службе, но и находился с ними в самом близком родстве. Его зятем был Г. Ф. Нагой, брат царицы Марии и одно из главных действующих лиц угличской драмы.⁵⁴ Назначение А. П. Клешина заставляет предположить, что правитель в трудной для него политической ситуации не только не желал обострять отношения с Нагими, но, напротив, искал примирения с ними. Околыничий Клешнин был весьма подходящей фигурой для подобной миссии.⁵⁵

⁵² Угличское следственное дело, л. 51—52.

⁵³ И. И. Полосин. Угличское следственное дело 1591 г., стр. 225—226; В. И. Корецкий, А. Л. Стайславский. Американский историк о Лжедмитрии I. История СССР, 1969, № 2, стр. 241.

⁵⁴ Вкладные книги Троицко-Сергиева монастыря, л. 234. Подле тела мертвого царевича Г. Ф. Нагой был поленом «по боком» боярыню Волохову. (См.: Угличское следственное дело, л. 11).

⁵⁵ Розыск о пожарах в Москве изменил положение, но он завершился уже после отражения татар. Его результатом было пострижение царицы Марии и ссылка ее братьев.

Отвечало ли политическим видам Годуновых назначение во главе следственной комиссии боярина кн. В. И. Шуйского? Едва ли на этот вопрос можно дать положительный ответ. В самом деле, незадолго до гибели Дмитрия правитель приказал убить родного брата князя Василия. Другой его брат (кн. П. И. Шуйский) был задушен в ссылке. Сам князь Василий подвергся опале в 1586 г., был изгнан из думы и провел несколько лет в ссылке, из которой был освобожден, кажется, незадолго до отъезда в Углич.

Назначение Шуйского следует приписать скорее всего инициативе Боярской думы. Что касается Бориса, то он согласился поручить расследование самому опасному из своих противников, чтобы одним ударом прекратить нежелательные для него толки о насильственной смерти царевича.

Подлинник Угличского следственного дела носит на себе следы поспешной обработки с помощью клея и ножниц. И. И. Полосин дал этому факту следующее истолкование. Комиссия Шуйского велла следствие сразу по трем делам (о смерти царевича, об измене Нагих и о народном восстании в Угличе), но затем в связи с «классификацией» дел столбцы обыска были разрезаны и переклеены. Сохранилась будто бы подборка по делу № 1 (смерть Дмитрия), включающая менее половины допросов, а две другие подборки утрачены.⁵⁶

Гипотезу И. И. Полосина нельзя признать удачной. Она не обоснована текстологически и, что самое важное, полностью игнорирует результаты специального источниковедческого исследования об «угличком обыске» В. К. Клейна. Как доказал В. К. Клейн, столб с угличским делом был разрезан и переклеен в XVIII в. в связи с переплетением листов обыска в тетрадь, при этом из всего обыска не сохранилось лишь нескольких начальных и конечных листов, потерянных еще в XVII в.⁵⁷

Взгляд на угличскую следственную комиссию как подтасованную в угоду правителю побуждал многих исследователей выражать сомнения по поводу добросовестности угличских следователей. Можно заметить, однако, что подозрения высказывались по поводу второстепенных, а иногда и десятистепенных деталей следствия и никак не затрагивали показаний главных свидетелей, на которых основаны были выводы комиссии.⁵⁸

⁵⁶ См.: И. И. Полосин. Угличское следственное дело 1591 г., стр. 226—227.

⁵⁷ В. Клейн. Угличское следственное дело о смерти царевича Дмитрия, ч. I. Дипломатическое исследование подлинника. М., 1913, стр. 5—9.

⁵⁸ Так, С. М. Соловьев упрекал комиссию за то, что та не выяснила, сколь долго жил царевич после ранения, кто первый велел ударить в набат и т. д. (История России с древнейших времен, кн. IV, т. 7, М., 1960, стр. 310—319). О. А. Яковлева отметила отсутствие в «угличком обыске» показаний дворового П. Болдина, важного свидетеля угличских событий, и т. д. (К вопросу о добросовестности официального угличского следствия

Розыск установил, что царевич погиб во время игры со сверстниками, которые были непосредственными очевидцами происшедшего. Четверо ребяток «жилицов» (из которых один был сыном кормилицы, следовательно, молочным братом царевича, а другой — сыном постельницы) единогласно показали, что они играли с царевичем в тычку ножом на заднем дворе и «пришла на него болезнь падучей недуг и набросился на нож». Они заявили также, что на заднем дворе с ними вместе «были в те поры за царевичем кормилица Орина, да постельница», а кроме них, никого не было.⁵⁹

Главной свидетельницей на следствии выступила кормилица О. Тучкова, и в искренности ее показаний усомниться чрезвычайно трудно. Орина горевала о смерти мальчика, которого она вскормила. Всю вину за происшедшее она брала на себя: «... она того не уберегла, как пришла на царевича болезнь черная, а у него в те поры был нож в руках и он ножом поколосся, и она царевича взяла к себе на руки и у нее царевича на руках и не стало».⁶⁰ Преданность кормилицы Нагим не вызывала сомнений. Примечательно, что выбежавшая на крик царица стала бить не ее, а боярыню Волохову.

Боярыня В. Волохова дополнила показания кормилицы, сказав, что припадок эпилепсии начался у царевича 12 мая и внезапно возобновился в полдень 15 мая.⁶¹ После обедни царица велела сыну «на дворе погулять», за ним должны были присматривать, помимо Волоховой, кормилица и постельница.⁶² Волохова показала, что у царевича случился припадок, «и бросило его о землю и тут царевич сам себя ножом поколос в горло и било его долго (!) да туто его не стало».⁶³

Точность показаний Волоховой подтвердил еще один свидетель, видевший гибель царевича своими глазами. Им был стряпчий С. Юдин, стоявший в тереме у поставца и смотревший на задний двор через окошко. Он показал, что царевича бросило «о землю и било его долго (!) и он наколосся ножом сам и он (С. Юдин, — Р. С.) в те поры стоял у поставца, а то видел».⁶⁴ Показания Юдина начисто исключают версию об убийстве Дмитрия, но они подтверждают поразительный факт. Припадок у царевича был длительным. Мальчик корчился на земле с зажатым в руке ножом, а возле кружились мамки и няньки. Когда кормилица подхватила его с земли, было слишком поздно.

1591 г. Уч. зап. Научно-исслед. института языка, литературы, истории и экономики при Сов. Мин. Чув. АССР, вып. XXI, Чебоксары, 1962, стр. 350—353).

⁵⁹ Угличское следственное дело, л. 13—14.

⁶⁰ Там же, л. 14.

⁶¹ Там же, л. 11.

⁶² Там же, л. 13—14.

⁶³ Там же, л. 11.

⁶⁴ Там же, л. 31.

В «углицком обыске» версия о печальной гибели царевича всесторонне аргументирована показаниями непосредственных очевидцев происшествия. При этом в документах нет никаких намеков относительно применения пыток в ходе розыска или относительно изменения начальных показаний главными свидетелями.

В следственных материалах фигурировала также версия об убийстве Дмитрия, но она не была подкреплена ни одним серьезным показанием. Наиболее решительным ее сторонником был М. Ф. Нагой, который подоспел во дворец одним из последних, после того как ударили в набат. Михаил «прискочил» на двор к царице «пьян на коне», «мертв пьян». ⁶⁵ Приехавший с ним Г. Ф. Нагой изложил ту же версию гораздо осторожнее: «начали говорить, неведомо кто (!), что будто зарезали царевича». ⁶⁶ А. А. Нагой, сбежавший на двор из дворца «от ествы», также не мог указать, кто первый заговорил об убийстве царевича. ⁶⁷

Следствие кн. В. И. Шуйского нарисовало достоверную картину печальной смерти царевича Дмитрия в припадке эпилепсии. ⁶⁸ В этом основном выводе мы вполне согласны с И. П. Полосиным. Но, помимо «углицкого обыска», сохранились и другие источники, и все они упорно твердят против официальной версии. В. И. Корецкий подчеркивает, что современники не разделяли официальную версию и что «в этом отношении большой интерес представляет сугубо конфиденциальное письмо Горсея от 10 июня 1591 г., в котором он, несмотря на свою близость к Борису, сообщил, что царевич был «жестоко и изменнически убит». На основании названного источника автор новейшего очерка об угличских событиях делает вывод о том, что «причастность Бориса Годунова к убийству царевича Дмитрия вероятна». ⁶⁹

Подобный вывод не кажется нам основательным. В. И. Корецкий совершенно не учитывает того, что письмо от 10 июня написано было Горсеем на основании информации, полученной им от А. Ф. Нагова. В своих записках Горсей подробно описывает, как глухой ночью (очевидно, 16 мая) его разбудили ударами в ворота и он узнал при свете луны А. Ф. Нагова (хорошо известного ему в лицо), который сообщил ему о гибели царевича. ⁷⁰ Письмо Горсея всего лишь воспроизводило версию Нагих об убийстве Дмитрия.

⁶⁵ Там же, л. 40, 48.

⁶⁶ Там же, л. 7.

⁶⁷ Там же, л. 15.

⁶⁸ Версию следствия невольно подтвердила сама царица Мария, которая еще до приезда Шуйского велела убить юродливую («жоночку уродливую»), будто бы накликавшую на ее сына паучую болезнь. (См.: Угличское следственное дело, л. 12).

⁶⁹ В. И. Корецкий. Смерть царевича Дмитрия и смута в Угличе. В кн.: История СССР с древнейших времен до наших дней, т. II. М., 1966, стр. 220—221.

⁷⁰ Д. Горсей. Записки, стр. 99.

Аргументируя мнение о причастности Бориса к смерти Дмитрия, нередко ссылаются на известие Флетчера о покушениях на жизнь царевича, записанное до его гибели в 1589—1590 гг. Виновниками покушений были, по словам английского посла, те, «которые простирают свои виды на обладание престолом в случае бездетной смерти царя».⁷¹ Главным информатором Флетчера, плохо знавшего русский язык и только однажды побывавшего в Москве, был все тот же Горсей. Между тем этот последний, передавая Флетчеру слухи о царевиче, имел в виду вовсе не Годунова. Как только раскрылось покушение на Дмитрия, писал Горсей, заподозрили тотчас Никиту Романовича.⁷² Очевидно, Нагие стали чернить своих противников сразу после смерти Грозного, когда главной фигурой в окружении Федора был Н. Р. Юрьев. Сыновья Н. Р. Юрьева были самыми близкими родственниками бездетного царя Федора и имели значительно больше прав на престол, нежели худородный Годунов.

Помимо приведенных выше источников, сохранились еще сказания и повести начала XVII в. и записки иностранцев. По иностранцы, по замечанию С. Ф. Платонова, лишь повторяли русские слухи о кончине Дмитрия, а русские повести (за единичными исключениями) «все неохотно и очень осторожно говорят об участии Бориса в умерщвлении царевича Дмитрия».⁷³

С. Ф. Платонов отчасти объяснял отмеченный им факт симпатиями авторов повестей, которые «все славят Бориса как человека и правителя».⁷⁴ Предположительно можно указать еще на один момент: молва о насильственной смерти последнего сына Грозного бросила тень подозрения не на одного Бориса, но и на Романовых, ближайших союзников Годунова в правительстве начала 90-х годов. Вспоминает об этом после утверждения на троне новой династии было делом небезопасным.

⁷¹ Д. Флетчер. О государстве Русском, стр. 27.

⁷² Д. Горсей. Записки, стр. 77.

⁷³ С. Ф. Платонов. 1) Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. Изд. 3. СПб., 1910, стр. 204; 2) Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в. как исторический источник. СПб., 1888. Исключение представляет «Иное сказание», целиком вышедшее из лагеря врагов Бориса — Шуйских.

⁷⁴ С. Ф. Платонов. Очерки по истории Смуты, стр. 201.